

На культурном пограничье

Беларусь как социокультурный тип в контексте восточного славянства

Ольга БАТРАЕВА,
аспірант

Восточнославянская цивилизация уникальна. Ее самобытность обусловлена рядом социокультурных, исторических и географических факторов. Восточные славяне впитали в себя представления и ценности культур Востока и Запада, аккумулируя их в собственную традицию, картину мира и образ жизни. Поэтому восточнославянская цивилизация является своеобразным «заложенным» межцивилизационного пограничья. Вместе с тем ни в одну культуру пограничья восточнославянская цивилизация полностью не интегрирована. Имманентное присутствие двух начал в религии, искусстве, образе жизни, картине мира создает уникальную ситуацию. Отказавшись же или преодолев одно из начал, восточнославянская культура теряет свою самобытность.

Сегодня все большую значимость и актуальность приобретает идея, что наличие общего, единого организма восточного славянства отнюдь не противоречит присутствию в нем индивидуальных черт русской, украинской и белорусской культур. Поливариативность восточного славянства создает более объемный и многогранный образ суперэтноса. Каковы же особенности именно белорусской культуры в условиях восточнославянской цивилизации? На протяжении многих десятилетий белорусская народность идентифицировалась не с собственными автохтонными чертами и признаками, а размывалась в едином восточнославянском суперэтносе, в рамках которого нивелировалась индивидуальность и самобытность культуры. Более того, сегодня получены ответы далеко не на все вопросы белорусской истории, государственности и культуры. Данное обстоятельство еще более актуализирует рефлексии, связанные с определением пути формирования белорусской культуры, категорий мышления белорусского народа. Это, в свою очередь, позволит определить общее и специфическое по отношению к восточному славянству и выявить социокультурные основания белорусской идентичности.

Особенности белорусской культуры обнаруживаются в мифологизированном

принципе толерантности, который проявляется в процессе христианизации. Ведь вместе с византийским обрядом христианства на территории Беларуси распространяется и римский обряд (в Туровском княжестве). Веротерпимость проявляется и в существовании двоеверия, и в уникальности униатской церкви, которая сохраняла восточный обряд, но признавала верховенство римского папы. Например, конфессиональная структура населения Беларуси перед разделами Речи Посполитой выглядела следующим образом: греко-католиков (униатов) – 75 %, римо-католиков – 18 %, православных – 6,5 %, кальвинистов – 0,5 % [1, с. 314]. То есть веротерпимость для белоруса являлась атрибутом толерантности. Это подтверждается фактом отсутствия войн религиозного характера внутри белорусского общества, за исключением политизированных религиозных конфликтов после Люблинской унии. Трансцендентность божественного абсолютного начала христиан не исключала возможности существования языческих богов. Ведь христианство на территории Беларуси, как и в целом на территории восточного славянства, распространяется на основе укоренившихся языческих верований. Сознание предков белорусов в X веке – не *tabula rasa*, оно включало в себя систему антропоморфных, анимистических

представлений, которые определяли быт, образ жизни, трудовую деятельность наших пращуров, что выражалось даже в специфике циклической модели ощущения времени. В сознании белорусов постепенно закрепляется монотеистическая вера, христианские догматы, предопределяющие ценностные ориентации и поведенческие личности. Под влиянием христианства утверждается идея равенства перед Богом в этническом и сословно-имущественном смысле. Толерантность белорусов базируется также и на полиэтничности населения. Известно, что на территории Великого княжества Литовского в начале XVI века проживали немцы, татары, поляки, русские, евреи, общая их численность около 700–800 тыс. человек [1, с. 28]. Кстати, евреям князь Витовт гарантировал и свободу вероисповедания, что позволяет расширить список конфессий ВКЛ включением туда иудаизма. Толерантность для белорусов являлась не чем иным, как признанием существования и значимости Другого. Религиозный и этнический релятивизм для Беларуси – та нить, которая связывает ее прошлое и настоящее. Сегодня в официальный календарь государственных праздников занесены Рождество и Пасха как по григорианскому, так и по юлианскому календарям, отмечаются также языческие праздники – Дзяды, Радуница. А если взглянуть на этническую структуру, то обнаруживаются десятки различных этнических групп и диаспор. Полиэтничность и поликонфессиональность объясняют отсутствие мессианской идеи абсолютной единой власти, претендующей на универсальность, которая была характерна для русской идеи «Москва – Третий Рим». Религиозная и этническая толерантность для ВКЛ и Речи Посполитой представляла собой не столько должное,

сколько действительное. Склонность к компромиссам, отсутствие чувства религиозного превосходства обнаруживается и в обыденном сознании, и на уровне государственной идеологии.

Так, идея социального равенства и справедливости зафиксирована в Статуте Великого княжества Литовского 1588 года: «Обещаем себе совместно за нас и потомков наших на вечные времена под обязанностью присяги, под верою, честью и совестью нашей, что мы, которые являемся разными в вере, мир между собой сохранить, а в связи с разностью веры и отличием в церквах крови не проливать и не наказывать отчуждением имущества, лишением чести, тюремным заключением и изгнанием» [2, с. 16].

Толерантность для белоруса не просто терпимость, но и уважительное отношение к Другому, чьи ценности имманентно интегрировались и ассимилировались в культуре. В целом можно отметить, что для белоруса толерантность является важнейшим компонентом этнонационального менталитета, на основе которого формируется архетип «гостеприимного и доброго соседа». Поэтому толерантность как признание инаковости выступает непосредственным идентификационным признаком, позволяющим обозначить образ белоруса как со стороны взгляда Другого, так и в контексте саморефлексии.

Вместе с тем толерантность в восприятии и отношении к другой культуре или религии отнюдь не является признаком конформизма. В силу своего геополитического положения Беларусь часто являлась заложником военных действий, инициировавших ее активное соучастие. «Вызовы» со стороны крестоносцев, Московского царства активизировали чувство патриотизма и сопричастности к родной земле. И тем не менее белорусский народ не является воинственным народом. В Беларуси на протяжении всей ее истории культивируется не образ мужчины-воина, а образ селянина. Геоклиматический и природный фактор формирует именно образ селянина, жизнь которого была регламентирована и детерминирована циклическим модусом крестьянской жизни. На основе аграрного способа жизни формируются сезонно-природные виды деятельности, а также циклическое восприятие действительности,

ОБ АВТОРЕ

БАТРАЕВА Ольга Владиславовна.

Родилась в г. Потсдам (Германия). В 2006 году закончила факультет философии и социальных наук БГУ. В 2006–2007 годах работала в Минском государственном высшем радиотехническом колледже. С 2008 года – аспирант кафедры философии и методологии науки БГУ.

Автор более 10 научных публикаций.

Сфера научных интересов: социально-философские проблемы истории восточного славянства.

что приобщает белорусов к восточному славянству. Даже сконструированный архетип «Беларуси-партизанки» говорит не об активном воинствующем духе белоруса, а о нежелании покоряться, предавать свою землю. Идея свободы и борьбы за независимость во многом является актуальной для Беларуси по причине традиционного характера культуры: нежелание изменять устоявшиеся нормы и правила связано с консервативностью аграрной культуры белорусов. Большое значение также сыграло геополитическое расположение. Беларусь зачастую являлась плацдармом для разрешения политических вопросов. Особенно это проявилось в XVII–XVIII веках, когда на ее территории почти непрерывно велись войны. Следует отметить, что военные сражения оказали существенное влияние не только на уровень жизни белорусов и количество населения (например, после войны 1654–1667 годов, так называемого «кровавого потопа», население Беларуси уменьшилось на 47 %) [3, с. 55], но и на формирование государственности. Здесь можно обозначить общее для белорусов и восточнославянского суперэтноса. Статус межцивилизационного пограничья восточных славян предопределил тот факт, что народы этноса постоянно подвергались нападению со всех сторон Евразийского континента. Поэтому особенностью восточнославянского этногенеза является то, что перспектива развития одного народа зависела от пространства, на котором располагался другой народ. Также следует отметить, что приращение территории славянами носило комбинированный характер: с одной стороны, это были организованные военные походы, а с другой – мирное заселение новых территорий земледельческими общинами. Перед восточными славянами зачастую возникала перманентная необходимость обороняться от врагов, что инициирует важность не только социокультурного единства, но и единства политического, чтобы противостоять врагам. Поэтому фундаментом для создания и развития государственности выступала необходимость в центробежной политической силе, аккумулирующей этнические сообщества и конструирующей единые критерии, систему ценностей. Например, необходимость борьбы с внешней угрозой (со стороны монголо-татар, крестоносцев,

галицко-волинских и польских князей) стала одной из доминирующих предпосылок объединения и создания Великого княжества Литовского. Другим примером, подтверждающим значимость данного фактора, является союз Польши и ВКЛ, который был ускорен Ливонской войной и проявился в создании нового государства – Речи Посполитой.

Многочисленные военные сражения также повлияли и на специфику белорусского менталитета. Толерантность как терпение к инакомыслящим трансформируется и дополняется новой интерпретацией. Культивируется терпимость к лишениям. Это влияет на формирование амбивалентных ментальных качеств (способность к борьбе, умеренность), переплетающихся в образе белоруса, инициирующих освоение новых категорий мышления, таких как жизнестойкость, долготерпение. Воспитывается и развивается способность органически приспосабливаться к изменяющимся условиям.

Вместе с тем нельзя однозначно говорить о слабости и безынициативности белорусского народа. «Молчаливость» белоруса отнюдь не проявление покорности, она является атрибутом его замкнутости и неопределенности. Ведь влияние политических сил, религий и культур Польши и России конструируют маргинальный статус автохтонной белорусской культуры. Систематические процессы денационализации, проявившиеся в рамках полонизации или русификации, радикально изменяют образ белорусской элиты, в которой четко проявляется линия разделения на два альтернативных лагеря. Отсутствие общности и единства в белорусской элите, безусловно, не способствовало укреплению самосознания и самоидентификации. Поэтому можно отметить, что геополитическое положение повлияло не только на формирование государственности, но и на этнонациональный менталитет. Полиэтничность, перманентные сражения и нестабильность политической конъюнктуры способствовали формированию так называемой «тутэйшасці» белорусов, в соответствии с которой белорус не идентифицировал себя с конкретной властью, а определял свою сопричастность к социуму, расположенному на определенной территории. Польский исследователь Е. Амбревский, анализируя статус «по-

лешуков» 30-х годов XX века (коренных жителей Полесья в бассейне реки Припять), так описывает их способ мышления: «Калі ўлада руская, народ таксама рускі, пад польскай уладай – польскі, пад татарскай – татарскі...» [3, с. 354].

В соответствии с влиянием христианства на восточных славян можно говорить и о религиозном измерении белорусской культуры. Ведь христианизация по греко-византийскому образцу привнесла ряд существенных трансформаций и в ценностные ориентации белорусов. Под влиянием византийской традиции развивается тяга к созерцательности и интуитивности, усиливается чувство единства, духовного родства людей, конструируется система представлений о справедливости и социальной гармонии. Перенимается детально разработанное православное вероучение и культ, основу которого составляют Библия и Священное Предание. Изменяется образ человека, моральные ценности, институт брака, погребальный обряд, а также другие сферы жизни и представления. Принятие христианства стало основой экономического, культурного и политического взаимодействия с христианскими странами. Эксплицитный религиозный формат идентичности белорусов, безусловно, включает в себя и факт существования униатской церкви, так как ни одна христианская культура не обладала столь самобытной конфессией. Так, религиозная форма идентификации белорусской культуры тесно коррелирует с общей интенцией самоидентификации восточных славян, что определяет формирование единого идентификационного пространства суперэтноса. Более того, православие является одним из признаков, на основе которого в мировом сообществе выделяют самобытный тип восточнославянской цивилизации [4, с. 54]. Религиозный формат идентичности особенно актуален сегодня в условиях атеистического прошлого постсоветских государств. Религиозное возрождение также связано с процессами социальной, культурной и экономической модернизации. «Для людей, которые сталкиваются с необходимостью ответить на вопросы «кто я?» и «где мое место?», религия предоставляет убедительные ответы, а религиозные группы становятся небольшими социальными общностями, пришедшими на замену тех, что были

утрачены из-за урбанизации... Благодаря этому процессу люди вновь открывают исторические идентичности или создают новые» [4, с. 141]. Таким образом, религиозная идентичность предлагает не просто соотносимость с определенными моральными устоями, но и определяет форму и приоритеты сообщества.

Социокультурные особенности белорусской культуры непосредственно выражены и в ее экофильной ориентации. Территория современной Беларуси долгое время являлась зоной преимущественно аграрного хозяйствования. Сформировался специфический образ белорусской крестьянской культуры – культуры «мужичьего народа». Какова же специфика и значимость антропоприродных отношений в рамках белорусской культуры? Выходя за пределы строго инструментально-прагматического отношения к природе, белорусы сближаются с восточной традицией, хотя, безусловно, полностью ее не дублируют. В аксиологических установках белорусской культуры выявляется тенденция «вживания» в природу, от которой человек зависел. Но и природа нуждалась в преобразовательной деятельности человека. Природа выступала не просто как среда обитания, но и как сфера реализации хозяйственной деятельности, а также источник средств к существованию. В самой практике природопользования имманентно растворялся исторический и социальный опыт, форма деятельности, знания и навыки. Поэтому природа наделялась аксиологическими параметрами, расценивалась как источник передачи традиций, наследство предков. Такое восприятие природы подкрепляется нормативным запретом нарушения традиционно сложившихся практик. Любые нововведения искажали память предков, а также вызвали опасение из-за возможного плохого урожая, от которого зависела жизнь человека и всего рода [5, с. 15]. Конституировался императив гармоничного сосуществования человека и природы.

Как уже было отмечено, природный фактор и аграрная деятельность сформировали особый социально-психологический темпоритм белорусов, для которого

Белорусы.
Могилевская
губерния.
1900-е годы

характерна цикличность, в отличие от физического дискретного времени, которому, в свою очередь, свойственна линейность и размеренность. Восприятие времени зиждется на взаимосвязи человека и природы, что отчетливо проявляется в календаре трудовой деятельности и в названии месяцев.

Не менее серьезное влияние на формирование экологической ментальности белорусов оказали мифологические и религиозные представления. Архетипы ментальности белорусов начинают формироваться в период господства языческой культуры. Природный мир, стихии обожествлялись и наделялись антропоморфными признаками. Среди наиболее известных персонифицированных сил природы можно выделить таких богов, как Дажьбог, Сварог, Перун и другие. Антропоморфный образ богов позволял человеку рассматривать природу по своему образу и подобию, наделяя живую и неживую природу сознанием, волей, чувствами. Осваивая природную реальность, белорус объяснял ее по принципу аналогии, что позволяло чувствовать себя равноправным по отношению к природе. Более того, считалось допустимым вступать в контакты с природными явлениями. Различные события, стихийные явления рассматривались как знак и предзнаменование, посредством которых природа вступала в диалог с человеком. В результате христианизации произошла существенная трансформация образа и статуса природы. Преодолевается равнозначность и равноценность природы и человека. Христианство возносит человека над природой – она выступает опредмеченной творческой деятельностью Бога. Вместе с тем природа не становится пассивным и безжизненным началом, как это обнаруживается в западной традиции, а остается участником диалога с человеком, только уже не как непосредственный субъект в языческой культуре, а как посредник между Богом и человеком. В результате синхронизируются христианские ценности и земледельческий опыт белорусов. Однако, несмотря на схожесть в уважительном отношении к природе и общность в понимании ее статуса и значимости, что, безусловно, сближает антропоприродные ориентации белоруса с экологическими ценностями восточного славянства в целом, природные условия труда

белоруса заметно отличаются, например, от условий хозяйствования русского типа. Сложные природно-климатические условия, пространственный размах, отсутствие излишков продуктов земледельческой деятельности долгое время ориентировали великоросса на коллективный образ жизни. В рамках русского опыта природопользования человек не выделял себя из общины, этому способствовали тяжелые условия, которые в одиночку было невозможно преодолеть. Индивидуальная активность встречала недоверие и настороженность из-за возможности дестабилизации традиционно установившихся форм деятельности и коммуникации. Поэтому отдельный человек ориентировался на синкретичное единство как с природой, так и с общиной, что впоследствии под влиянием православной

культуры будет отражено в идее соборности. В белорусской традиции землепользования также существовал принцип коллективизма, но вместе с тем развита и хуторская модель, базирующаяся во многом на локальности территории. Подсечно-огневой тип земледелия подразумевал взаимопомощь в труде, но в меньшей степени, нежели в русской традиции. Коллективизм для белоруса проявлялся в форме громады, сельской или соседской общины, возникшей на основе

необходимости регулирования практики землепользования, организации труда и быта. Специфической формой действий громады являлась толока, которая понималась как совместный труд или коллективная помощь в хозяйственной работе. В толоке проявляются черты коллективного общинного быта, но, тем не менее, идея толоки несколько отличается от русской идеи коллективности. Безусловно, принцип коллективизма в определенное время является условием развития и выживания любой социальной общности. Вместе с тем обнаруживаются и существенные различия в специфике его формирования. Для русской ментальности характерен коллективизм общинного типа, а для белорусов, в свою очередь, коллективизм является скорее совокупностью норм, правил поведения в условиях совместной деятельности. Данные правила ориентируют «на

Жительница хутора Осово Лунинецкого повета Степанида Дравович с сыном. 1929 год

приоритет другого человека, прежде всего родича, «сваяка», в межличностном поведении» [6, с. 341]. Коллективизм белоруса непосредственно связан с обозначенным выше принципом толерантности: для белоруса не характерен радикализм в отношениях к обществу, Другому. Отличие белорусской и русской традиций хозяйственной деятельности также основывается и на разнице лесной и степной природных зон. По мнению известного исследователя Г.В. Вернадского, это оказало существенное влияние на агротехнические методы ведения хозяйства, что в результате привело к заметной разнице в природопользовании [7, с. 119]. В лесной зоне работа основывалась на вырубке лесов и выжигании подлесков, которые назывались лядами. Работа в лесах предполагала существование кооперативных объединений общин, что обнаруживает себя в деятельности громады. В степной зоне, в свою очередь, применяется иной способ обработки земли: после первых урожаев ее оставляли под паром на несколько лет. Эта практика называлась перелогом. Она, безусловно, была возможна на землях, территория которых не была жестко ограничена.

Таким образом, при анализе особенностей формирования белорусского социокультурного типа обнаруживается как специфическое, так и общее для белорусской и восточнославянской культуры в целом. В условиях перманентной трансформации социальной и политической конъюнктуры доминирующее значение в идентификации белорусов принадлежит ее социокультурному измерению. Для белоруса как для «тутэйшага селяніна», проживающего на территории с поликонфессиональным и полиэтничным населением и испытывающего на себе влияние культур Запада и Востока, национальная идентичность не играла доминирующего значения. Это определяет уникальность белорусской культуры в контексте восточного славянства. Белорус чаще всего идентифицирует себя не столько с определенной нацией, сколько с сопричастностью к месту. Поэтому мыслит категориями «тут» – «здесь», что определяет его принадлежность к традициям и родной земле. Образ белоруса маркируется через категории «тутэйшасць», толерантность, умеренность, долготерпимость, «пограничье». Форми-

рование ценностных приоритетов белорусов также тесно связано и с христианской культурой, не только центрирующейся на православии, что характерно для русской культуры, но и на значимости католической и униатской культур. Также обнаруживаются отличительные особенности белорусов и русских в практике природопользования и в понимании фундаментального принципа коллективизма. Вместе с тем современные антропоприродные ценности обеих культур в значительной мере сохраняют специфические черты традиционной культуры. Это фиксируется в патриотических образах, моральных нормах, эстетических представлениях и, что весьма важно, в креативных программах познавательной и преобразовательной деятельности. Формируются такие общие ценностные приоритеты в социоприродных отношениях, как гармоничность, взаиморасположенность человека и природы, самоценность природы. Особая значимость такого коэволюционного типа отношения выявляется сегодня, в эпоху экологической нестабильности и нарастания глобальных проблем в условиях современной социодинамики. Так, особые специфические черты белорусов маркируют конкретный статус народа в системе межкультурных отношений как самобытной общности, обладающей культурно-генетическим кодом. Однако белорусская культура не растворяется в условиях современной цивилизационной динамики, а является непосредственной частью восточного славянства, что определяет ее значимость в системе межцивилизационных координат. ─

ЛИТЕРАТУРА

1. Біч, М. Гістарычны шлях беларускай нацыі і дзяржавы / М. Біч, Р. Гарэцкі, У. Конан. – Мн.: Медисонт, 2006. – 440 с.
2. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Пераклад – А.С. Шагун. – Мн.: Беларусь, 2005. – 315 с.
3. Невядомая Беларусь / Пад рэд. В. Акудовіча, А. Анціпенкі. – Мн.: «Vilt», 2008. – 374 с.
4. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ Москва, 2007. – 571 с.
5. Антология экологической мысли: Восточные славяне / Науч. ред. А.И. Зеленков. – Мн., 2003. – 656 с.
6. Кирвель, Ч.С. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов / Ч.С. Кирвель. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2008. – 532 с.
7. Вернадский, Г.В. Киевская Русь / Г.В. Вернадский. – Тверь, Москва: Аграф, 2004. – 448 с.